

МЕТРО ХРОНОСА

ГОРОД БЕЗ
ПРОШЛОГО

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Метро Хроноса.

Город без прошлого

<https://litres.ru/74585662>

SelfPub; 2026

Аннотация

Временная ветка метро закрыта. Но в Москве остался дом, которого нет на картах. В нём живут двести семь человек. Курьеры доставляют им посылки, врачи принимают пациентов — и вскоре забывают, кого видели.

Архивистка Яна Орлова приходит туда проверить странный счёт. За дверью её встречает женщина, утверждающая, что они были близкими подругами. Фотографии подтверждают её слова. Яна не помнит ни одной их встречи.

В старом журнале обнаруживается её собственная подпись. Чтобы выяснить, на что она согласилась восемнадцать лет назад, придётся восстановить события затопления подземной галереи и найти документы, которые кто-то настойчиво пытается уничтожить.

Теперь жильцам обещают переселение. Взамен требуют отдать единственные свидетельства их прежней жизни. До закрытия хранилища остаются считанные часы.

Содержание

Глава 1. Чужая подпись	5
Глава 2. Дом за стеклом	13
Глава 3. Женщина на снимке	20
Глава 4. Через двадцать минут	28
Глава 5. Архитектор без ключа	36
Глава 6. Старшая по дому	43
Глава 7. Сопровождение	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Руслан Махмудов
Метро Хроноса.
Город без прошлого

Руслан Махмудов

МЕТРО ХРОНОСА

Город без прошлого

Вторая книга

Глава 1. Чужая подпись

Курьер попросил Яну прочитать имя на его руке.

Он стоял у служебного входа в архив, придерживая локтем пачку конвертов. На ладони, между большим пальцем и запястьем, синели четыре короткие строки. Последнюю он размазал, когда снимал перчатку.

— Здесь Орлова? — спросил он.

— Северина.

Курьер посмотрел на ладонь.

— Не понимаю, зачем записал.

Яна положила пропуск на считыватель. Дверь открылась за её спиной, и изнутри потянуло сухим теплом. Мужчина оставался под дождём. На плечах его куртки лежали прозрачные капли, слишком крупные для ткани с исправным покрытием.

— Вы кому доставляете?

— Вам. То есть архиву. Здесь всё правильно.

Он вытащил из пачки жёсткий белый конверт. Нижний край был запечатан широкой полосой с волокнами, похожими на тонкие корни. Посередине стоял знак независимого хранения.

Яна не взяла конверт сразу.

— Что случилось с вашим адресатом?

— Не с адресатом. С заказчиком. Я забрал отправление у

женщины. Она попросила записать фамилию.

— Зачем?

— Чтобы не забыть.

Он произнёс это с досадой человека, которому пришлось повторить глупость вслух. Попытался стереть надпись пальцем, но Яна остановила его.

— Можно посмотреть накладную?

Мужчина поднял запястье. На экране доставки было девять строк. Все, кроме одной, содержали адрес отправителя. Восьмая начиналась словами «технический приём», дальше шли номер счётчика и время — 08:47. Вместо имени стоял прочерк.

— Вы там были сорок минут назад, — сказала Яна.

Он кивнул.

— Помните женщину?

Курьер поднёс ладонь к лицу. На коже буквы расплывались; он щурился, хотя Яна только что прочла их без труда.

— Женщину... Нет. Но двор помню. И собаку. Она лежала поперёк ступеньки, я через неё переступил. Белая, ухо коричневое. Не залаяла.

— А дом?

— Красный. Или не весь красный. Около двери плитки, половины нет. Вам точно этот конверт?

Яна попросила его войти.

Утром на приёме сидел Тимофей, недавно переведённый из городского хранилища. Он успел поставить чайник и от-

крыть жалюзи, но ещё не убрал со стола собственную сумку. Увидев курьера, подтянул к себе рамку регистрации.

— Фамилия получателя?

— Орлова, — сказала Яна. — Приём без снятия защиты. Сначала внеси пломбу.

Тимофей поднял глаза. Обычно входящую почту вскрывали, содержимое сверяли со списком, после чего определяли режим хранения. Защищённые источники принимали иначе: сперва отмечали сам предмет, чтобы он не зависел от последующей оценки текста.

— У нас есть открытое дело?

— Есть входящее отправление. Этого достаточно.

Она положила конверт на рамку. По запечатанному краю прошла тёплая полоска света. Тимофей записал время: 09:17.

— Теперь расписка, — сказал он курьеру.

Мужчина предъявил свою карточку. Арсений Левин, тридцать один год. На маленьком снимке у него были короткие волосы; сейчас мокрые пряди прилипли ко лбу. Подписав выдачу, он снова посмотрел на ладонь.

— Со мной что-то не так?

Яна не ответила сразу. За последние восемь недель она научилась опасаться ответов, которые успокаивали раньше, чем проясняли.

— Я не врач. Вы помните, как ехали сюда?

Арсений перечислил мост, два перекрёстка, закрытый

въезд со стороны ремонтной площадки. Поправил себя: мост был вторым, первый он перешёл пешком, пока машина стояла на зарядке. Назвал водителя, который разрешил ему подключиться на пять минут. Рассказал, что на складе порвал перчатку.

— А заказчицу не помню, — закончил он. — Может, видел не её. Может, конверт в ячейке лежал.

— Вы только что сказали, что она просила записать фамилию.

— Да.

Арсений сел на край стула. Его мокрый рукав оставил на столе тёмное пятно.

Тимофей повернул экран к Яне. В сведениях об отправлении появилось пояснение: «Неполный адрес. Повторное использование технической записи».

— Это не пояснение курьера, — сказала она.

— Пришло из доставки.

Яна велела сохранить обе версии накладной, с отметкой, когда каждая поступила. Потом предложила Арсению воды. Он отказался, попросил только листок с её рабочим номером.

— Если вспомню, позвоню.

— Если не вспомните, тоже позвоните. Через час. И не стирайте руку пока.

Он кивнул и ушёл, прижав перчатку к исписанной ладони, чтобы надпись не смыло.

Яна проводила его до двери. У городского входа мужчина остановился, проверил остальные конверты. Выбрал нужный без колебаний. Остальная работа оставалась при нём.

Тимофей вскрыл белый конверт разрешённым ножом, не затрагивая пломбу. Внутри лежали два листа. Первый — сопроводительное письмо из службы технических поставок. Второй — счёт за поддержание аварийного питания жилого участка.

Счёт был выписан на Колодезный проезд, дом 14.

Строки выглядели обыкновенно: четыре накопителя, проверка заземления, доставка, расход соединительного материала. Сумму кто-то пересчитал карандашом и обвёл меньшую цифру. Подпись приёмщика была резкой, с длинной нижней петлёй: «М. Северина».

— Доставка жителям, — сказал Тимофей. — При чём тут мы?

Яна прочла письмо ещё раз.

Восемь недель назад в архив передали материалы закрытой временной ветки. Среди них оказалось несколько коммерческих договоров, связанных с Яковом Крестовым. После открытия независимой сверки поставщики должны были предъявить сохранившиеся физические основания платежей. Служба прислала один из таких документов. До отправки счёт зарегистрировали и запечатали: теперь в официальной сверке его сведения нельзя было заменить сетевой справкой.

Номер договора значился внизу мелким шрифтом.

Яна узнала первые четыре цифры.

— Дай мне дело сорок три, — сказала она.

Тимофей выдвинул ящик со свидетельствами: бумагой, фотографиями, пластинами. Некоторые имена с этих листов уже никогда не появятся на живых карточках. Яна держала их дела открытыми.

На обложке нужного дела стояло: «Городская защита свидетелей. Автономные участки».

В первом списке было шесть объектов. Напротив пяти находились адреса. Напротив шестого — номер, совпадавший со счётом.

— Почему адреса нет? — спросил Тимофей.

— Потому что в полученной копии его не было.

— Теперь есть.

Он открыл карту города. На месте Колодезного проезда лежала вытянутая зелёная полоса. По ней проходила дорожка от водосборного сада к станции обычного метро. Жилых домов карта не показывала.

Яна увеличила участок. Появилась дата последнего обновления. Сегодня, 09:00.

За стеклянной стеной служебного коридора двое работников несли старую деревянную стойку. Она осталась от той платформы, на которой Яна встретила пассажиров из другого века. Теперь по ту сторону была отдельная комната, без выхода к поезду. Соединение разобрали, городской вход

сохранился. Стойку решили перенести в хранилище: на её нижней стороне уцелели надписи дежурных.

Тимофей проследил за её взглядом.

— Думаете, они не всё отключили?

— Нет. Линия закрыта. Счёт относится к устройству в жилом доме. Это надо проверить отдельно.

Яна взяла сопроводительное письмо. В последней строке поставщик просил подтвердить, что участок действительно существует. Без такого подтверждения следующую доставку накопителей отменяли.

Чуть ниже была приписка от руки: «До завершения осталось трое суток. Ответ нужен на бумаге».

Тимофей прочёл её через Янино плечо.

— До какого завершения?

— Не знаю.

Она сняла с полки прозрачный чехол, вложила в него счёт, не отделяя защитную полосу. Письмо осталось в деле. Тимофей оформил временную выдачу оригинала на обследование, сохранил изображение и номер.

— Я вызову адресную службу, — сказал он.

— Вызови. Напиши, что предмет уже принят независимо. И не заменяй его сетевой справкой, даже если скажут, что запись ошибочная.

Он хотел спросить ещё что-то, но Яна уже нашла куртку. Проверила, лежит ли в кармане личная карточка, затем вернулась к столу.

— И время обновления тоже сохрани.

В обычном рабочем блокноте она записала адрес, имя приёмщика и Арсения. Сложила блокнот рядом со счётом.

Если курьер действительно забыл женщину, следовало увидеть место, откуда он приехал. До того, как город объяснит ей, почему этого места никогда не было.

Глава 2. Дом за стеклом

Арсений позвонил раньше обещанного.

Яна ответила у входа в метро, освобождая застрявший в застёжке воротник.

— Фамилию всё ещё не помню, — сказал курьер. — Но нашёл старые доставки. Это не первый раз.

— Сколько?

— Тридцать девять за полгода. Все на технический приём. Восемь разных маршрутов, последний участок один. А в записной книге нет ни одного человека оттуда.

Она отошла от турникетов, чтобы не мешать пассажирам.

— Вы можете показать дорогу?

Арсений помолчал.

— У меня ещё четыре адреса.

— Закончите доставку. Я поеду сама. Пришлите последний участок, как вы его запомнили. Без исправления по карте.

Яна дала ему место встречи у водосборного сада. Он повторил его дважды, проверяя, что понимает, куда собирается.

На платформе было тесно: дождь загнал под землю людей с верхних переходов. Мужчина со складным стулом дважды задел Янину сумку, извинился и отвернулся.

Поезд пришёл через минуту. Обычный городской состав,

с белыми дверями и окнами, в которых отражались лица. Яна вошла, поставила сумку между ног и обхватила поручень.

Ей не нравилось, что после закрытия ветки она стала ждать от любого вагона чего-то ещё. Здесь объявляли станции. Люди выходили на свой год, не спрашивая разрешения остаться в нём.

На второй остановке освободилось место. Яна села и достала счёт.

В перечне материалов был указан керамический ввод. Поставщик пометил: «Замена не выполнена. Доступ к стене закрыт шкафом. Предъявлен прежний ремонт».

Всё слишком напоминало настоящую работу. Неясной оставалась единственная вещь — кому эту работу сделали.

Тимофей прислал результат запроса. Адресная служба подтвердила, что жилого объекта на участке нет. Заявление о расхождении передали оператору закрытых связей, поскольку номер счёта входил в его обслуживание. Ответ должен был поступить до конца дня.

Яна написала: «Имя оператора?»

Через минуту пришло: «Тарин Глеб Андреевич».

Фамилия была ей знакома по перечню согласований, но собственного дела этого человека она не помнила. Проверять его в движущемся вагоне, через общий поиск, Яна не стала. Сохранила сообщение и попросила Тимофея найти первичную лицензию, пока без повторного запроса оператору.

ру.

Арсений прислал набросок пути. Две параллельные линии, прямоугольник навеса, крест возле лестницы. Между навесом и лестницей он написал: «Здесь направо, даже если проход закрыт на карте».

От метро Яна вышла к каналу. Водосборный сад располагался на нескольких уровнях; по верхнему шли люди, по нижнему под металлическими решётками стекал дождь. В глубине росли низкие деревья с жёлтыми листьями. Между ними виднелись тёмные чаши накопителей. Над дорожкой висела карта сада. До края зелёной полосы оставалось триста метров.

Яна дошла до навеса. Он был новым, из светлого материала, почти без швов. Под ним сидела пожилая пара. Мужчина очищал рукав женщины от прилипшего листа, а она держала над ними один маленький зонт, хотя дождь до скамьи не доставал.

Справа находилась лестница.

На схеме сада лестницы не было.

Пять ступеней вели вниз, к длинной стеклянной стене. За стеклом тянулся сад: те же деревья, вода в чашах, ровная дорожка. Яна подошла ближе. В отражении за её плечом стоял красный дом.

Она обернулась.

Позади был навес и скамья.

Яна повторила движение медленно. Дом появился опять

— при наклоне головы чуть влево. Три этажа, светлые прямоугольники окон, металлическая водосточная труба. Он находился с той стороны, где по карте продолжалась зелёная полоса.

Яна открыла камеру. На экране стекло отражало её собственное лицо и пустую лестницу. Она убрала аппарат. Положила руку на ограждение, проверяя, не дрожат ли пальцы.

У архивной пломбы в сумке был твёрдый край. Яна достала чехол. Прочла адрес вслух.

— Колодезный проезд, четырнадцать.

Ничего не открылось. Никакого голоса не раздалось.

Она прошла вдоль стекла до конца. Там стоял служебный щит; между ним и стеной оставался узкий проход, закрытый цепочкой на крючке. Яна сняла цепочку и заглянула за щит.

Внизу лежали мокрые плитки. Несколько выломали, остальные держались на старом растворе. Яна спустилась, придерживаясь трубы. Её рукав зацепился за острую скобу. Она освободила ткань, прежде чем шагнуть дальше.

Проход повернул дважды и вывел во двор.

Посреди двора стоял дом, который она видела в стекле. Не отражение. Над входом читался номер 14. Левая часть фасада была кирпичной, правая покрыта тёмной штукатуркой. Между ними проходила неровная полоса старого ремонта. Под окнами первого этажа росли кусты; их подрезали давно и неумело, оставив по несколько длинных веток.

Во дворе пахло мокрой землёй и подгоревшим хлебом.

На лестнице спала белая собака с коричневым ухом. Когда Яна приблизилась, собака подняла голову, посмотрела на неё и снова положила морду на лапы.

В окне второго этажа появился ребёнок. Он держал обеими руками жёлтую кружку. Увидев Яну, отступил, и вместо него к стеклу подошла женщина. Шторы закрылись.

Яна остановилась перед собакой.

Она посмотрела на закрытую дверь. Архивный пропуск не позволял войти в любой дом.

На столбе рядом с дверью висел звонок. Яна нажала кнопку.

Внутри загремела посуда.

Женский голос спросил:

— Что привезли?

— Я из архива. Проверяю счёт за питание. Он пришёл к нам утром.

— Накопители будут?

— Я не поставщик.

Дверь приоткрылась на ширину ладони. В щели показалась девушка с короткими волосами. На левой щеке у неё было небольшое пятно синей краски.

— Тогда вам к Демиду. Вниз, под лестницу. Только он дверь не откроет, пока не покажете бумагу. Нам уже обещали.

— Кто обещал?

Девушка разглядывала Яну. Взгляд задержался на лице,

потом перешёл к сумке.

— А вы одна?

— Пока да.

Из глубины дома её позвали:

— Ника, кто там?

— Архив.

— Не открывай, я сейчас.

Девушка осталась в дверях. Цепочка была натянута между дверью и косяком, металл покачивался от её движений. Яна опустила счёт, чтобы не заставлять её читать через щель.

Рядом со звонком к стене была прикреплена узкая керамическая полочка. На ней стояла белая птица. Одного крыла не было; на месте излома виднелась коричневая полоса клея. Второе крыло кто-то обвёл синим, будто собирался менять цвет и бросил работу.

Яна не помнила, видела ли такую птицу раньше. И всё же захотелось повернуть её к свету, проверить нижнюю сторону. Она убрала руку за спину.

За дверью слышались быстрые шаги.

Девушка сняла цепочку. Собака поднялась и отошла на одну ступень, пропуская хозяйку.

Женщина в тёмном рабочем переднике вышла без куртки. На переднике засохли мелкие белые пятна. Волосы были собраны кое-как, несколько прядей прилипли к шее. Яна увидела её лицо и приготовилась назвать себя ещё раз.

Женщина схватилась за дверную ручку.

— Яна?

Девушка повернулась к ней.

— Мам, ты её знаешь?

Женщина не ответила. Она смотрела так, что Яне пришлось удержаться от шага назад.

— Восемнадцать лет, — сказала она. — Ты всё-таки пришла.

Глава 3. Женщина на снимке

Женщина убрала руку с дверной ручки. На пальцах остались красные вмятины.

— Марина, — сказала она. — Я Северина. Ты меня помнишь?

Яна покачала головой, удерживая взгляд Марины.

Яна хотела сказать что-нибудь мягче этого безмолвного отказа. Но придумывать узнавание она не стала.

Марина кивнула, как будто именно этого и ждала. Потянула дочь за рукав, освобождая проход.

— Заходи. Здесь холодно.

— Я могу показать счёт.

— Покажешь. Только заходи.

Они поднялись по лестнице. Собака дошла до первой площадки и легла у двери. Ника осталась с ней; Яна услышала, как девушка шепнула: «Кто это?» Марина ответила тихо, и слов не было слышно.

На втором этаже пахло хлебом сильнее. В квартире кто-то оставил открытой духовку. На противне лежали четыре плоские лепёшки, край одной почернел. Марина закрыла дверцу, подхватила полотенце, потом положила обратно. Следом вошла Ника с белой птицей в руках.

— Полку у звонка опять залило, — сказала она.

Марина показала на свободную полочку в коридоре квар-

тиры. Ника поставила птицу туда, вытерла мокрое основание краем рукава.

— Садись куда хочешь. Только этот стул не бери, у него ножка треснула.

Яна выбрала стул у окна. Сквозь стекло виднелись двор, угол навеса и часть садовой дорожки. С этой стороны дом не прятался. Пара на скамье всё ещё сидела под зонтом.

Марина налила воду в две кружки.

— Чай будешь?

— Буду.

— Тот же?

Яна подняла взгляд.

— Не знаю, какой ты имеешь в виду.

Марина отвернулась к шкафу и достала коробку с сухими листьями. Отмерила ложкой; на ручке засохла краска. Уже потянулась за второй щепоткой, но вернула её в коробку.

— Покрепче?

— Да, пожалуйста.

Только после ответа доложила листья.

Яна положила счёт на свободный край стола.

— Это твоя подпись?

— Моя. Демид материалы принимает, я расходы подписываю. У меня ещё есть работа вне двора. Иногда.

— Как ты работаешь, если адреса нет в городе?

— Отдаю вещи через технический приём. Получаю оплату по номеру. Покупатели знают работу, не меня.

Марина посмотрела на счёт, но не прикоснулась.

— Ты ради этого пришла?

— Курьер не помнит женщину, которая дала ему конверт. Адрес счёта исчез с карты. Договор связан с делом, которое у нас на сверке.

— С Крестовым?

— Да.

Марина осторожно поставила кружку перед Яной. Вода выплеснулась на блюдце.

— Значит, всё-таки из-за него.

Ника вошла в кухню, достала из ящика чистую ложку и без спроса заменила испачканную. Марина заметила её, посмотрела на старую ложку, будто не знала, откуда та взялась.

— Ты не дашь нам поговорить?

— Я живу здесь.

Девушка села на подоконник. Яна не поддержала ни одну из них. Вопросы, ради которых она пришла, касались обеих.

— В счёте написано про трое суток до завершения, — сказала она. — Что завершается?

— Защита, — ответила Марина. — Нам прислали уведомление. Потом приедут переселять.

— Куда?

— Адресов пока не дали.

Она подула на чай, не отпила.

— Говорят, будет лучше. Можно будет заказать вещи на имя. Отправить письмо. Сходить на обычный приём, не объ-

ясняя каждый раз, откуда ты взялась. Ника сможет учиться с людьми, которые не забудут её после первой перемены.

Девушка посмотрела в окно.

— Уже могу. У меня есть записи уроков.

— Записи есть, — сказала Марина. — Людей нет.

Яна открыла блокнот. Имя с курьерской ладони она записала ещё в архиве. Теперь добавила: «Марина, дочь Ника, уведомление о переселении».

Марина посмотрела на карандаш.

— Ты всегда так делала. Писала даже за ужином. Я тебе говорила: остынет, а ты всё равно сначала записывала.

Яна положила карандаш.

— Я действительно тебя не помню. Мне нужно проверить то, что ты рассказываешь. Не только для дела.

Марина встала, прошла в соседнюю комнату. Когда вернулась, держала плоскую коробку, завёрнутую в полотенце. На ткани остался отпечаток её влажной ладони.

В коробке лежали снимки.

На первом две девушки сидели на ступенях, держа между собой длинную доску. Одна, в широких рабочих брюках, показывала в камеру кисть. Другая держала бумажный пакет, из которого торчал откушенный хлеб. У обеих были испачканы руки.

Яна узнала себя. Ей было около двадцати. Волосы длиннее, чем теперь; на подбородке маленькая царапина. Куртка тоже была её. Мать когда-то подшила манжету изнутри,

чтобы край не протирался. Яна помнила эту манжету отдельно от снимка. Она коснулась собственного запястья: шов когда-то натирал кожу, мать велела не подворачивать рукав. Целый день в той куртке можно было вспомнить по одному неудобству. Женщину, обнимавшую её на фотографии, — нельзя.

Вторая девушка была Мариной.

— Это где? — спросила Яна.

— Старый проход у училища. Мы расписывали щит. Ты всё время перечёркивала мой текст, потому что буквы не помещались.

Яна повернула фотографию. На обороте стояла дата и фраза: «Нас не взяли рисовать птиц, зато доверили правила пожарного выхода».

Почерк был её.

Ника подалась вперёд.

— Теперь помните?

— Теперь вижу, что мы знакомы давно.

Марина потёрла переносицу. Ника соскользнула с подоконника, вышла в коридор. Оттуда послышался звук воды: девушка открыла кран, потом прикрыла, оставив тонкую струю.

— Я не пытаюсь тебя поймать, — сказала Яна. — Снимок мог сохранить то, что исчезло из памяти. Но мне нужно понять, когда это началось и что ещё сохранилось.

— Я знаю. Поэтому и не выбросила.

Марина достала второй снимок. На нём она лежала в больничной кровати; молодой мужчина стоял у изголовья, держа маленький свёрток. Нижний край снимка пожелтел, словно его долго носили без чехла.

— Ника. Семнадцать лет назад. Ты уже не приходила.

Яна вернула ей фотографию, не спрашивая про мужчину. Для такого вопроса она ещё не имела ни причины, ни доверия.

— Уведомление можно увидеть?

Марина достала из буфета лист. Он был обычным, без защитной полосы. Под датой стояло: «Завершение автономного режима. Личные записи подлежат передаче оператору. Предварительное согласие домового представителя получено».

— Кто представитель?

— Лидия Савелина. Она собирала нас после затопления. Тогда сюда никого не пускали. Теперь всё через неё.

— После какого затопления?

Марина присела напротив. Снаружи кто-то позвал Демида; мужчина отозвался с нижнего этажа, попросил подождать, пока отключит нагрузку.

— В шестьдесят восьмом. Вода пошла через нижнюю галерею. Мы жили здесь, только домов было больше. Их потом разобрали. Ты была у нас в ту ночь.

Яна взяла кружку. Чай остыл до температуры, при которой его можно было пить, но она не отпила.

В 2168 она только начинала работу в архивной службе. Помнила маленькую комнату, которую снимала, преподавателя, помогшего найти место, первую платёжную карточку. Не помнила затопления. Снимок на столе не позволял списать всё на обычную забывчивость.

— Сколько здесь людей?

— В списке двести семь. Лидия пересчитывает каждую неделю. Двое на внешнем лечении, у них особые записи. Здесь двести пять. Про тех двоих спроси у неё.

Яна записала числа отдельно. Потом попросила разрешения позвонить из квартиры.

Тимофей ответил сразу. Она сообщила, что адрес существует, и попросила оформить сохранение предмета, не ограниченное сроком сегодняшней выдачи. Квартиру, имена и число жителей пока не стала отправлять в общую форму. Сначала следовало выяснить, кто видит такой запрос.

— Оператор уже ответил, — сказал Тимофей. — Предупреждает, что там защищённый участок. Просит не брать показаний до согласования. Я ему сказал, что ты на проверке поставки.

— Это правильно. Больше пока ничего не передавай. Сохрани его письмо.

Марина слушала.

— Они знают, что ты пришла?

— Знают, что архив проверяет счёт. Точного места моего пребывания я не сообщала.

— Мы раньше тоже так делали.

Яна не знала, что на это сказать.

В коридоре зазвонил небольшой металлический колокольчик. Ника вернулась, вытирая руки полотенцем.

— Одиннадцать, — сказала она.

Марина повернула снимки лицом вниз.

Яна посмотрела на часы. Ровно 11:00.

На полу у буфета лежала полоска света. Она стала белее, медленно прошла вдоль стены и исчезла под дверью. В квартире ничего не сдвинулось. С улицы перестали доноситься звуки садовой дорожки, хотя в окне люди продолжали идти.

— Это что? — спросила Яна.

— Внешнее обновление, — сказала Марина. — Здесь ты меня не забудешь.

— А снаружи?

Марина забрала уведомление и сложила его по прежнему сгибу.

— Хочешь проверить — оставь у меня что-нибудь, за чем вернёшься.

Глава 4. Через двадцать минут

Яна оставила у Марины шарф.

Это казалось неубедительным способом проверить устройство, способное менять память, но шарф был её собственным. Она купила его зимой, носила каждый день и помнила потёртый край. Он связывал квартиру с той частью жизни, которая пока оставалась на месте.

Марина положила его на спинку стула. Ника спросила, нельзя ли оставить что-то менее нужное на улице. Яна ответила, что так она заметит потерю быстрее.

До следующего обновления оставался почти час. Они успели посмотреть нижний этаж и поговорить с Демидом, который разбирал соединительную коробку у входа в подвал. На полу рядом с ним стояли два новых накопителя. Ещё два, судя по маркировке, прослужили гораздо дольше.

— Сейчас питание есть, — сказал он. — Не надо спешить сюда только потому, что бумага пугает. Но замена нужна. Новый материал под нынешнюю нагрузку не подходит. Поставщик прислал то, что было.

— Может остановиться? — спросила Яна.

— Может перегреться. Остановить я успею. А потом придётся выбирать, что поддерживать. Здесь ещё холодильники с лекарствами.

Он показал Марине потемневший конец кабеля. Она при-

села, чтобы рассмотреть, и оттянула край передника от открытых контактов.

Яна не стала спрашивать, как поддерживают память. Демид держал инструмент, рядом лежали открытые проводники. Сначала он должен был закрыть коробку.

Ника принесла ему сухую тряпку. Он поблагодарил, вытер руки и только тогда поднял голову.

— Вы из архива? Разберитесь с переселением. Питание починить можно. А когда людей везут без их карточек, я не знаю, что чинить.

Марина отвела Яну в сторону. У соседки в третьей квартире заканчивалась мазь для перевязок. Её обычно передавали с поставками, но следующую доставку не подтвердили. Марина спросила, сможет ли Яна зайти в городскую аптеку.

— Если проверка не сработает, просто отдадите курьеру, — добавила она. — По номеру. Это мы умеем.

Яна взяла пустую упаковку. Вложила в отдельный карман. Не стала записывать имя больной: пока им хватало состава и количества.

В блокноте она перечислила то, что требовалось проверить. Женщина — Марина Северина. Её дочь — Ника. Дом — 14. Оставленный предмет — серый шарф. Время выхода — 11:58. Рядом начертила лестницу и два поворота. Цифры счётчика переписала со счёта.

Арсений ждал у навеса. Он приехал на маленькой машине, оставил её у служебной площадки и стоял, опираясь спи-

ной о стойку.

— Я здесь всегда парковался, — сказал он. — А как шёл дальше, теперь не уверен.

Яна показала цепочку за стеклянным щитом.

— Там.

Арсений подошёл, посмотрел вниз.

— Да. Точно. У меня мешки были, пришлось боком спускаться. Боялся порвать об скобу.

— У вас сегодняшняя накладная сохранилась?

Он открыл браслет. Имени отправителя не было. Последняя запись начиналась с технического номера. Яна показала ему счёт в чехле.

— Вы забрали его у Марины Севериной. Она там живёт. У неё дочь Ника. Белая собака лежит у двери.

Арсений прочёл подпись.

— Ладно. Запомню. Сейчас-то я это знаю.

— Я тоже. Подождём.

Они дошли до аптеки на углу сада. За стеклом лежали несколько ярких коробок с домашними измерителями, сложенные повязки и игрушечная рука, показывавшая, как надевать фиксатор. Яна предъявила упаковку. Служащая уточнила количество, спросила, есть ли назначение. Получив ответ, выдала тот же состав и посоветовала проверить дату на прежней упаковке: срок почти истёк.

Яна расплатилась своей карточкой. Пакет пах новым пластиком.

Арсений купил воду. Он рассказал, что после архива пробовал вспомнить все доставки за неделю. Помнил сердитого мужчину, которому передал не тот кабель. Помнил женщину на верхнем переходе: она отказалась спуститься к машине и заставила его нести посылку через два уровня. Незнакомую заказчицу вспомнить не смог.

В 12:07 он назвал Марину без подсказки.

В 12:12 Яна записала, что помнит кухню, снимок, обиду женщины на её ответ. Имя, лицо и движение руки у кружки оставались ясными. Она ожидала головной боли, неприятного давления, хотя ничего такого ей не обещали. Ни боли, ни давления она не почувствовала.

Они сели под навесом, на скамью, с которой ушла пожилая пара. Арсений держал бутылку между коленями. Яна не хотела отвлекаться, но стала искать взглядом стеклянный щит: проверяла, что путь назад не перекрыт.

В 12:18 курьер спросил:

— Вы для себя покупали?

Яна посмотрела на аптечный пакет.

Она помнила, зачем пришла в аптеку. Помнила просьбу женщины. Не могла представить лицо.

Всё случилось без заметного перехода. Только что Марина сидела за кухонным столом в её памяти; теперь за столом сидел кто-то, чьи плечи и передник ещё можно было описать. Место лица стало неопределённым.

Яна назвала фамилию вслух. Северина. Имя появилось на

секунду и опять потеряло связь с женщиной.

— Посмотрите на руку, — сказала она Арсению.

Надпись оставалась. Буквы были синими, часть строки смазалась. Он прочёл их и спросил, кто это.

Надпись на коже курьера сохранилась. Он мог прочесть имя, но не мог соединить его с собственным посещением.

Яна открыла блокнот.

Имена были на месте. «Марина Северина. Дочь Ника». Ниже — шарф, время, два поворота. Карандаш не исчез, бумага не побелела. Яна читала собственную запись и понимала её смысл, но не могла вспомнить, как женщина произнесла имя дочери. Попыталась представить хотя бы улыбку — получила лицо с фотографии, а не живое лицо. Блокнот пришлось закрыть: от чтения ей становилось легче верить записи, но не легче помнить.

Она держала ладонь на обложке, пока Арсений не спросил, холодно ли ей. Ответила не сразу.

Она открыла сообщение, которое отправила Тимофею из квартиры. В нём появились слова «проверка технической передачи». Прежнее пояснение об адресе отсутствовало.

Яна достала чехол со счётом.

«М. Северина».

Адрес и подпись оставались прежними. Пломба с независимым номером оставалась целой. Яна перечитала счёт, после чего снова посмотрела на сообщение. Его исправили; зарегистрированный источник остался прежним.

Арсений наклонился ближе.

— Что там было?

— В блокноте — человек, с которым я говорила. В сообщении — уже техническая передача. Бумага сохранилась, но я не могу связать имя с лицом. А этот счёт ещё и принят независимо: его данные не должны заменять ни в одном ответе.

— А если записать на новом листе?

— Попробуем. Написанное я вижу. Вопрос в том, буду ли помнить человека, о котором прочту.

Он написал фамилию на обороте ненужной накладной. Указал время. Яна попросила оставить лист у себя и позвонить в 13:25: до этого момента ей следовало вернуться внутрь и найти человека, у которого она оставила шарф.

Кому именно?

Она посмотрела на аптечный пакет. Имя покупателя было её собственным. Продажа лекарства никуда не исчезла.

Яна позвонила Тимофею.

— Прочитай мне подпись со счёта, который поступил утром.

— Ты его забрала.

— У тебя осталось зарегистрированное изображение.

Он нашёл его. Прочёл: «М. Северина».

— Теперь проверь мою временную выдачу.

— Есть. Предмет на обследовании адреса.

— Со мной ничего не изменилось в учёте?

Тимофей сказал, что нет. Попросил объяснить, что происходит.

Яна сообщила, какие две записи различаются и когда она заметила изменение. Не назвала это стиранием памяти: сначала нужно было отделить наблюдение от вывода. Но, говоря, поняла, что уже делает привычную работу, чтобы не думать о человеке, чей снимок только что держала.

— Отметь мои слова как показание, — попросила она. — Не исправляй запись по сетевой справке.

Арсений сказал, что должен ехать. Яна поблагодарила его и отдала номер архивного приёма, если надпись исчезнет или он почувствует себя хуже. Он посмотрел на аптечный пакет.

— Может, лучше вдвоём?

— Я возвращаюсь в дом. Вы знаете дорогу, можете зайти позже. Но не берите ещё одну доставку без проверки, только потому, что у вас там тридцать девять записей.

Он усмехнулся, не весело.

— Теперь-то я проверяю.

Яна дошла до щита. Цепочка висела на прежнем крючке. Спускаясь, она держала счёт перед глазами: здесь были номер дома и адрес. Этим строкам пока можно было верить.

Первый поворот. Второй.

Красный дом стоял на месте.

Яна узнала собаку раньше, чем женщину на лестнице. Та вышла встречать её в куртке, с шарфом в руках.

Марина.

Имя соединилось с лицом почти сразу. Яна остановилась, дождалась, пока в памяти снова появится кухня. Старой дружбы не было: вернулось лишь утро, проведённое внутри квартала.

— Двадцать минут? — спросила Марина.

— Около того. После двенадцати. Ты знала?

— Обычно к двадцатой уже заканчивают. Иногда раньше. Если человек выходит сразу после обновления, дольше помнит. Мы не знаем, кому дают отсрочку. Лидия спрашивала.

Она протянула шарф. Яна не взяла его.

— В первый раз ты отпустила меня так же?

Марина опустила руку.

— Нет. Тогда ты обещала вернуться до утра.

Яна передала аптечный пакет. Марина посмотрела на покупку, потом поднялась на одну ступень, освобождая вход.

На площадке показался пожилой мужчина с корзиной мокрого белья. Он спросил, принесли ли мазь. Марина ответила, что принесла Яна. Мужчина поблагодарил её по имени, будто знакомство не требовало отдельного объяснения.

Яна вошла в дом. Шарф по-прежнему оставался у Марины.

Яна задержалась на пороге, прежде чем войти. До сада было несколько шагов; до нового часа — гораздо больше. Уйти было легко. Она расстегнула сумку и проверила, лежит ли блокнот там, где его можно найти, даже забыв, зачем искать.

Глава 5. Архитектор без ключа

Любовь Арендт спросила, сколько раз Яна уже выходила из двора.

— Один, — ответила та. — На следующем обновлении перестала узнавать лицо. Вернулась — снова вспомнила утро. Более раннего знакомства по-прежнему нет.

— Не проверяй ещё раз без необходимости. Покажи номер.

Яна прочла ей строку со счёта. Они говорили из кухни Марины. Хозяйка отнесла лекарство соседке, а Ника ушла к Демиду помогать с коробками. Яна сидела у стола, держа телефон между кружкой и фотографиями, которых не касалась после возвращения.

За окном мужчина с корзиной развешивал мокрое бельё под козырьком. Одна из верёвок провисла; он снял с неё две вещи, привязал выше и повесил снова.

Любовь попросила повторить последние цифры.

— Это старый городской проект. Я проверю экземпляр, который сохранила. Счёт не выпускай из отдельного хранения.

— Мне нужен человек, который понимает устройство, — сказала Яна. — Не подпись под версией, которой ещё нет.

— Поэтому и прошу номер.

Любовь не обиделась на вопрос. За восемь недель Яна

привыкла к её коротким отказам и признаниям: «Не знаю», «Нужно проверить». Архитектору всё ещё было трудно обходиться без доступа, которым она прежде располагала.

Теперь её доступ к бывшему управлению линии тоже не вернулся. Пустое помещение не содержало действующего пульта. Город предоставил ей временную мастерскую, и Любовь составляла перечень собственных проектов для независимой проверки. Некоторых исходных документов не хватало. Она помнила их лучше, чем могла доказать.

— Я могу приехать, — сказала она. — Мне нужно взять бумажный экземпляр. И ещё человека из архива, который подтвердит, что я предъявила его до осмотра узла.

— Тимофей останется на приёме. Больше там сегодня никого нет. Пусть регистрирует тебе выдачу.

— Хорошо. Где встречаемся?

Яна описала навес. Попросила сохранить описание отдельно от городской карты. Потом отправила номер счёта, не указывая имён жителей.

Марина вернулась в кухню. Поставила на стол тарелку с двумя лепёшками; почерневший край срезала. Села и посмотрела на телефон.

— Она приедет?

— Да. Любовь Арендт.

— Архитектор?

— Ты знаешь её имя?

Марина наклонилась к буфету, достала уведомление.

Вверху, рядом с названием автономного режима, находилась ссылка на проект. Инициалы были напечатаны мелко, почти под краем сгиба.

— Её мы не видели. А подпись всё это время видели.

Яна прочла номер. Он совпал с тем, который она сообщила Любове.

— Она не будет решать за вас, что делать с домом.

— Тогда пусть приходит.

Марина разломила лепёшку. Половину подвинула Яне. Та заметила, что не ела с утра. Откусила слишком большой кусок, попросила воды.

Несколько минут они занимались едой. Во дворе кто-то пытался завести маленькую машину, мотор гудел и останавливался. Мужчина под козырьком ругнулся: очередной рывок сбросил мокрую простыню с верёвки.

— Тебе звонили из адресной службы? — спросила Марина.

— Ответили архиву. Проверку передали Тарину.

— Он пришлёт людей.

— Он уже знает, что мы проверяем поставку. Есть причина ждать чего-то кроме ответа?

Марина не ответила сразу.

— В прошлом году Демид написал о неисправном вводе напрямую. К нему пришли на следующий день. Ввод заменили. Заодно забрали копию списка жильцов, которую он приложил, чтобы объяснить нагрузку.

— Демид отдал сам?

— Да. Ему сказали, так быстрее согласуют материал.

Яна доела хлеб. Марина всё ещё держала свою половину, и та постепенно размокала от пальцев.

В 13:25 позвонил Арсений.

Лист с фамилией у него сохранился. Он помнил Яну и аптеку, мог прочесть имя Марины, но не представить, зачем она дала ему конверт. В новой накладной отсылка к приёмщику опять исчезла.

Яна попросила его не выбрасывать лист. Предложила предъявить обе накладные Тимофею, если служба потребует заменить старую.

— А мне дальше туда ездить? — спросил он.

— Пока не знаю. Если дадут рейс, попросите сохранить исходный заказ. Без этого нам не проверить, кого и когда меняют в списках.

— Они не любят такие просьбы.

— Знаю.

Арсений коротко выдохнул.

— Попробую.

Когда Любовь приехала, до следующего обновления оставалось десять минут. Яна встретила её у навеса. Архитектор шла медленно, держа сумку двумя руками; в сумке лежал деревянный футляр, длиннее, чем позволяла ручка. Мелкий дождь снова начался, и край футляра она прикрыла собственным рукавом.

Яна забрала сумку.

— Ты могла взять чехол.

— Могла. Подумала, что до машины три шага.

Любовь остановилась перед стеклянной стеной. Долго смотрела прямо, затем повернула голову.

— Дом видишь? — спросила Яна.

— Теперь да. Имитация пустого участка. Старый способ, его плохо держит на кривой поверхности.

— Это проход во времени?

Любовь покачала головой.

— Здесь тот же год, что снаружи. Эти узлы лишь согласуют городские связи. Питание у них отдельное: закрыли ветку, а приборы в домах остались. Мне нужно увидеть этот узел.

Они спустились. Яна помогла провести футляр мимо скобы и вернула цепочку на крючок. Она не защищала двор от людей, зато не позволяла случайно сорваться на ступени.

Марина ждала у входа. Любовь представилась, попросила разрешения положить сумку на сухое место. Марина открыла дверь.

Яна следовала за ними. До 14:00 оставалось три минуты. Ей хотелось поторопить обеих, но они уже находились внутри. Она посмотрела на счёт, проверила собственное имя в отметке выдачи, после чего убрала его в чехол.

На кухне Любовь раскрыла футляр. Внутри лежали тонкие листы со схемами. На первом Тимофей только что поставил отметку предъявления. Под ней Любовь дописала, что

это её экземпляр, сохранённый до нынешней сверки, а не чертёж осмотренного устройства.

Марина подождала, пока архитектор закончит.

— Вы это построили?

— Спроектировала основу. Не знаю, что здесь изменили за восемнадцать лет.

— Нам сказали, что это на три месяца.

Любовь перестала перекладывать листы.

— В исходном варианте так и было.

Марина положила перед ней уведомление. Архитектор прочла его, приложила к своей схеме. В какой-то момент ей пришлось распрямить правую руку и отложить перо. Яна придвинула лампу, чтобы не заставляя её наклоняться.

— Здесь написано про передачу личных источников оператору, — сказала Любовь. — В исходной форме источники оставались у людей. Оператор получал право временно скрыть внешние отсылки, не право распоряжаться человеком после завершения.

— А если мы их не передадим?

— Пока не отвечу. Я вижу приказ, не вижу нынешних ограничений узла. Но отдавать единственный оригинал, прежде чем поймёте, что с ним сделают, не советую.

В коридоре зазвенел колокольчик.

Яна машинально посмотрела на часы. 14:00.

Любовь перевернула страницу и осталась на месте, как при обычном звуке из соседней комнаты. Марина закрыла

уведомление ладонью. На стене прошла знакомая белая полоска.

Из двора донёсся голос Ники:

— Мам! К Лидии приехали!

Марина подошла к окну. Яна встала рядом.

В проходе за щитом стояли двое в светлых непромокаемых куртках. Один нёс плоскую папку, второй — длинный свёрнутый чехол. Они не были в масках. У первого на груди висела карточка городской службы.

Он заметил женщин в окне и поднял руку.

На папке Яна разглядела тот же номер, что на её счёте.

Глава 6. Старшая по дому

Лидия Савелина жила на первом этаже, справа от входа.

Перед её дверью стояли две большие банки с водой. Под одной лежал сложенный кусок ткани, чтобы дно не царапало плитку. На косяке карандашом отмечали рост детей. Самая высокая черта находилась почти на уровне Яниного плеча, самая низкая едва поднималась над плинтусом.

Марина постучала и вошла, не дожидаясь ответа.

В комнате у Лидии сидели двое соседей и ждали два приехавших работника. Лидию Яна узнала по связке ключей на поясе: она перебирала её одной рукой, слушая мужчину из службы. На столе лежал список жильцов. Возле открытой папки стояли два стула для посетителей, но оба приехавших предпочли остаться на ногах.

— Адреса будут в индивидуальной выдаче, — говорил первый. — До этого мы не можем обещать конкретное размещение. Согласие касается общего порядка.

Лидия кивнула.

— Семьи не разделять.

— Мы внесли это условие.

Марина остановилась у стола.

— И личные карточки не забирать до выдачи новых.

Мужчина повернулся к ней. Потом посмотрел на Яну и Любовь.

— Проверка поставки?

— Архив архитектурной службы, — сказала Яна. — Орлова. Документ принят независимо сегодня утром. Мы сверяем объект с исходным договором.

Он назвал себя: Матвей Рогов, исполнительный отдел оператора. Второй, моложе, молча показал карточку. Яна прочла имя и номер, записала. Он спрятал карточку только после того, как она закончила.

— Вы должны были согласовать посещение, — сказал Рогов.

— Проверку поставки адресная служба уже передала вашему руководителю. Пока мы не изымаем ничего у жителей.

— Тогда не мешайте оформлению.

Лидия перестала перебирать ключи.

— Они не мешают. Сядьте. Марина, там ещё табурет в коридоре.

Она говорила негромко. Рогов отодвинул стул и наконец сел. Второй мужчина остался у окна. Любовь заняла место ближе к двери, поставила футляр на колени. Яна встала у шкафа: табурет из коридора оказался занят стопкой одеял, и ей не хотелось начинать встречу с перестановки чужих вещей.

Лидии было за шестьдесят. Тёмные волосы, стянутые в маленький узел, заметно поредели на висках. Она носила свитер с заштопанным рукавом, на пальце — широкое кольцо. Когда потянулась за списком, кольцо стукнуло по краю

стола.

— Вы закончили перепись? — спросила она Рогова.

— Получили вашу.

— Тогда не называйте её своей. Двести семь человек. Двое на лечении снаружи, двести пять здесь. Это сегодняш-
ний состав. Новых рождений и выездов с прошлого списка
не было.

Рогов отметил число. Яна посмотрела на Марину. Та кив-
нула: список, который хозяйка называла на кухне, включал
и внешних пациентов.

— Кто подписывает индивидуальную выдачу? — спроси-
ла Яна.

— Получатель или его представитель, — ответил Рогов.

— На этом листе только одна подпись.

— Согласование порядка домовым советом. Получателей
пригласят отдельно.

— До передачи их исходных карточек или после?

Рогов подвинул папку к себе.

— Предварительный материал предназначен совету. Я не
уполномочен объяснять каждый этап внешнему наблюдате-
лю.

Лидия подняла глаза.

— Мне объясните. Я здесь получатель тоже.

Первый раз за всё время Марина отступила от стола. Яна
заметила, как она выдохнула. До этой реплики ей приходи-
лось спорить одной.

Рогов развернул лист.

— Исходные записи передаются в исполнительное хранение. На их основании выдаются новые городские идентификаторы. Сохранение всех прежних связей не гарантируется, поскольку они были приостановлены по вашей просьбе.

— По просьбе кого? — спросила Любовь.

Он посмотрел на неё.

— Совета.

— Передайте мне номер продления. Мне не нужно видеть чужие персональные данные.

— Вы кто?

Она предъявила карточку. Рогов прочитал фамилию, но выражение его лица почти не изменилось.

— Архитектурная часть завершена давно. За нынешний режим отвечает оператор.

— Поэтому я прошу номер, а не пульт.

Лидия достала из ящика тонкую папку. Внутри лежали квитанции, несколько листов с подписями и маленький конверт, который она сразу отодвинула подальше. Рогов заметил движение, но промолчал.

Последнее продление датировалось прошлым годом. Лидия подписала его как представитель совета. Рядом стояли три подписи жильцов.

Яна прочла пределы действия. Перечень участников определялся списком первоначальной защиты и последующими дополнениями.

— Ника, — позвала она.

Девушка стояла в дверях. Марина оглянулась, словно только теперь заметила её.

— Тебя приглашали подписать продление?

— Нет.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

Рогов сказал:

— До самостоятельного оформления действует представитель.

— Хорошо, — ответила Яна. — А Артур из этого списка? Здесь ему двадцать три. Его подпись где?

Лидия потянулась к листу.

— Он здесь родился. Мы его не добавляли, он с матерью записан.

— Сейчас это взрослый человек. В вашем исходном договоре нет согласия за него после самостоятельного возраста.

Рогов постучал пальцем по столу.

— Вы обсуждаете порядок, который перестанет действовать через трое суток. Мы как раз решаем эту проблему.

Яна посмотрела на лист продления. Он был не пустым и не явно поддельным. Подписи держали здесь реальных людей. Как долго они считали, что тем самым защищают друг друга?

— Оставьте порядок и номера оснований, — сказала Яна. — Каждый прочтёт, что получит и что должен отдать.

Рогов закрыл папку.

— Я передам руководителю, что совет просит дополнительное разъяснение.

— Совет? — переспросила Лидия.

Она посмотрела на Яну. Потом на Марину и Нику.

— Да. Просит. Пока я ничего нового не подписываю.

Второй мужчина у окна впервые заговорил:

— Для тех, кому требуется лечение, задержка может быть неудобна.

— Лечение не должно зависеть от подписи под переселением, — сказала Лидия. — Оба наших пациента уже приняты. Если их состояние изменилось, покажите медицинское сообщение.

Он опустил глаза к карточке на груди. Рогов поднялся.

На прощание он сообщил, что оператор свяжется с архивом лично. Яна назвала номер приёмного дела, не собственный телефон. Он записал его. Второй мужчина вынес свёрнутый чехол, так и не раскрыв.

Когда дверь закрылась, Лидия не села.

— Теперь придут с другим разговором, — сказала она.

Марина забрала табурет из коридора, сложила одеяла на шкаф. Яна села. Ноги устали больше, чем она ожидала.

— Что было в чехле? — спросила она.

— Рамка считывания, — ответила Лидия. — Хотели проверить карточки на дому, чтобы не собирать людей. Удобно. На последнем слове у неё дрогнул рот.

Ника прислонилась к двери.

— Вы правда думали, что это на три месяца?

Лидия посмотрела на девушку долго и прямо.

— Да. Тогда думала.

— А потом?

— Потом люди возвращались из города и не могли попасть к собственным родственникам. Нужно было время, чтобы не выпустить всех сразу с пустыми руками. Потом ещё время. Я подписывала.

— Им объясняли, что продлеваете? — спросила Яна.

— На собраниях. Не всем нравится слушать. Некоторые просто спрашивали, будет ли ещё тепло зимой.

Лидия открыла окно на узкую щель. Во дворе хлопнула дверь подвала. Демид поднимался по ступеням, придерживая левое плечо: очевидно, устал носить накопители.

— Вы можете показать исходный договор? — спросила Любовь.

— Не сейчас. У меня он в другом месте.

— Когда?

Лидия посмотрела на связку ключей.

— Вечером. После выдачи воды. Если хотите, оставайтесь на совет. Пусть люди видят, кто спрашивает.

Яна согласилась. Ника ушла первой. Марина задержалась у стола.

— Не сдавайте наши источники, — сказала она.

— Я ещё не сдала.

— Но согласие на порядок было ваше.

Лидия не ответила.

В кухне Марины Любовь вновь открыла схему. Придавила края кружками, оставив свободным участок с соединениями. На нём были подписаны три отдельных блока: исходное хранение, внешний исполнитель, питание.

— Сегодня вечером посмотрю устройство, если ремонтник позволит, — сказала она. — Сначала нужно понять, что сохранилось. Но уже сейчас видно: питание не заменяет личные записи. Отключение прекратит обновления, не выдаст людям прежнюю жизнь обратно.

Яна спросила, сколько самостоятельных городских узлов было построено по этому проекту.

Любовь взяла перо, задумалась и положила его.

— Я должна проверить список. Помню три. Не буду говорить, что их всего три.

Марина убирала со стола фотографии. Одну оставила возле Яны: две девушки на ступенях, кисть и пакет с хлебом.

— Это можешь взять, — сказала она. — У меня есть второй снимок с того дня.

Яна посмотрела на оборот, на собственную шутливую надпись. Она уже знала, что за пределами двора сумеет прочесть её, но не обязательно почувствует, кому говорила эти слова.

— Можно оставить пока здесь?

Марина кивнула.

— До вечера?

— До вечера.

Яна достала блокнот. Внизу страницы написала время совета и обещание Лидии показать договор. Потом перевернула лист.

Яна записала собственное имя над первым вопросом. До этого в блокноте были только чужие фамилии.

Глава 7. Сопровождение

К вечеру дождь закончился. Люди вышли во двор с ведрами и небольшими канистрами. Воду получали у дальнего подъезда, где Демид подключил фильтр к старому вводу. От городского водоснабжения дом не отключали, но после утреннего ремонта в трубах появился осадок.

Яна помогла Марине донести две канистры. Одну поставили у соседской двери, вторую — под кухонную мойку. Марина не попросила помощи; Яна сама взяла ручку, пока та закрывала кран. Теперь ладонь болела, и ручка оставила красную полосу.

На совет собрались в комнате первого этажа. Она когда-то служила общим складом: высокие полки вдоль стены не убрали, только освободили нижние для книг и посуды. Над окном висели четыре разномастные лампы. Свет давала одна.

Лидия принесла исходный договор в небольшой металлической коробке. Поставила его перед собой, ключ оставила на столе.

В комнату вошли двадцать два человека. Остальные, по словам Лидии, получили уведомление о встрече; кто-то оставался с детьми, кто-то не хотел опять слушать обещания. Демид сел у окна, наклонил голову к плечу и сразу закрыл глаза. Яна подумала, что он заснул, но на вопрос о нагрузке

ремонтник ответил, не поднимая век.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.